

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Константин Зелинский,
учитель Новониколаевской школы № 1 Волгоградской области

Школа переживала разные времена. И «разбрасывала камни», и «собирала» их. Что-то на долгие годы оставалось незабываемым. Что-то менялось. Появлялись новые предметы, потом они исчезали, и их место занимали другие. На «злобу дня» вводились «марксистско-ленинские» курсы, уроки этики семейных отношений, валеологии и другие. Сегодня идут споры о том, вводить ли в школьную программу основы православной культуры. Короче говоря, вопрос о содержании обучения и воспитания всегда волновал и будет волновать педагогическую теорию и практику. И он тесно связан с вопросом об образовательном идеале.

До недавней поры ни у кого не вызывало сомнения то, что школа должна ориентироваться на «человека просвещённого». И потому «главным героем» школьного урока считался учебный предмет. Сейчас же, когда общество переживает духовный кризис, система предметноцентрированного образования стала превращаться в «прокрустово ложе», в котором не уместится человек.

Отечественная школа переживает драму воспитания. Рассыпались на глазах многие идеалы и ценности. Ушли в прошлое октябрятско-пионерско-комсомольские традиции,

о которых многие педагоги вспоминают с ностальгическим трепетом. В школу «без спросу» ворвались ценности глобального мира. Педагоги, что называется, не успели глазом моргнуть, как оказались перед проблемами клипового сознания детей, их стремлением убежать от живой жизни в виртуальную реальность, или реальность, заражённую жаргонно-примитивной речью, потребительским настроением, новыми типами страхов. Как воспитывать таких детей? Какие педагогические средства выбрать, чтобы противостоять мощнейшим «воспитывающим» системам социума, среди которых есть такой монстр, как кино и телевидение, нередко пропагандирующие насилие и низменные чувства?

Сегодня в педагогической теории и практике очевидна необходимость пересмотра самих методологических основ воспитания. Нужен новый взгляд на самую сущность воспитания. Говоря о данном понятии, К.Д. Ушинский обращал внимание на необходимую «организмам всякого рода» способность к развитию посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной. В этом смысле вопрос о воспитании звучит как вопрос о достойном «кормлении» личности. В какой «пище» нуждается человек, чтобы становиться Человеком? Идея воспитания во все

времена была связана с мыслью о том, чтобы человек становился лучше. Родители и педагоги хотят видеть своих воспитанников духовно-нравственными, культурными, добрыми, мужественными, ответственными, справедливыми. Но на пути к этим благородным целям они зачастую заботятся только о развитии ума, забывая питать душу. И это приводит к тому, что дети предпочитают «здоровой еде» суррогаты. А взрослые недоумевают, почему те убегают от полезных советов в другой, искажённый, мир. Они не понимают, почему их дети не видят преимуществ духовно-нравственных ценностей и здорового образа жизни.

Думается, что педагогическая практика школьного и семейного воспитания сегодня нуждается в обогащении новым содержанием. И таким новым содержанием может стать гуманитарная культура как накопленный отдельными людьми и целыми нациями опыт «очеловечивания» человека. Он зафиксирован в самых разных материальных и духовных продуктах. Проблема лишь в том, чтобы эти продукты — мифы, истории, картины, книги, произведения музыки, предметы быта — были введены в само воспитательное пространство отношений педагога и детей. Это с одной стороны. А с другой стороны, следует помнить, что дети создают свою собственную индивидуальную и коллективную культуру. Именно сама данная идея — пересоздания мира, сотворения себя в этом мире, то есть культуротворчество — составляет ядро такого гуманитарного воспитания. Заметим, что мы различаем воспитание как «подгонку» учащихся к определённому социальному идеалу от «гуманитарного» воспитания, которое учитывает сущностные силы ребёнка, то нравственное, что заложено в нём и должно развёртываться по своим особым внутренним законам.

Воспитательный потенциал гуманитарной культуры ещё недостаточно изучен. Ребёнок, принадлежащий к своей семье и к конкретному роду, вобрал в себя определённые

черты, ценности и смыслы семьи и рода. Ему ещё предстоит определиться, оценить по-пушкински свою родословную и воскликнуть, как поэт, «Я сам большой!». Но кто, если не педагог, поможет глубже понять его формирующуюся культуру, выращиваемую на традициях и ценностях своего рода. В этом смысле педагогу не надо «ходить за три моря», чтобы принести, например, на школьный вечер, классный час или обычную беседу какой-либо материал. Он всегда «под рукой» — это богатый опыт, всё то лучшее и интересное, что есть, несомненно, в каждой семье. Надо учить это видеть! Бабушкины рассказы или сама живая бабушка, а также семейные фотоальбомы, рассказы об интересных судьбах родственников, демонстрация семейных традиций, продукты деятельности взрослых и малышей — всё это становится частью содержания воспитания. Даже трость дедушки или письмо старшего брата из армии могут оказаться «воспитательными приёмами», если они включены в процесс сотворения культуры, который носит, как я уже сказал, и индивидуальный, и коллективный характер.

В каждой семье свои устои, своя религия. В каждой по-разному понимают мир, жизнь, людей, вечные ценности. И здесь важно не сравнивать, кто правильнее живёт и какому Богу поклоняется — Христу, Будде или «богу потребления». Педагог может помогать ребёнку осознавать своё место в семье, в школе, в мире и искать ту «религию», которая помогает ему становиться человеком. Речь идёт о воспитании самой потребности в поиске, саморазвитии.

Сегодня, когда атмосфера в мире раскалённая и когда в войну идей втянуты страны, народы, религии и культуры, необходимо выйти на новый уровень осмысления проблемы развития человеческого сознания и человеческой духовности. Необходим более внимательный взгляд на религиозные традиции семьи

и личности, которые, по словам современного философа Г.С. Померанца, являются формой, в которой человек сознаёт свою связь с глубиной жизни и одновременно богатство и глубину своей собственной души. Речь ведь не о том, чтобы выбирать, какая из религий «лучше». Важно обращение к той культуре, которая отражает порыв человечества к *Истине*.

Вдумаемся в те идеи, которые существуют, например, в православии (да и в других религиях). Вот некоторые из них: Бог — это Творчество и Любовь. Божественное начало во мне — это мои возможности творчества и способности изливаться любовью (излучать свет). Вера есть духовная сила и жизненный ориентир человека.

Сегодня от педагогов требуют обеспечить нормальное развитие ребёнка, но в психологии до сих пор нет представления о норме развития. Психология многое знает об особенностях личности, но что делать с этими особенностями, педагоги и психологи плохо себе представляют. Но в нашей культуре накоплен богатейший опыт выращивания «человеческого» в человеке. И сегодня, очевидно, необходима интеграция науки, культуры и духовных практик.

Следует согласиться с Ш.А. Амонашвили, сказавшем, что «воспитание уже давно поглощено обучением, и, может быть, в скором времени нам придётся оплакивать его как без вести пропавшего».

Интересно заметить, что в «педагогике традиции» накоплен богатейший опыт достойной человека жизни. Один из таких примеров: учение созерцанию, с которого и начинается любовь человека к миру, к другому человеку, к себе, к жизни. Учит видеть и замечать жизнь вокруг себя — в этом заложен глубочайший смысл и важнейшая проблема воспитания. Можно сколько угодно придумывать и организовывать для детей грандиозные мероприятия, полагая, что они несут воспитательный эффект, но так и не добиться этого самого эффекта, потому что ребёнок не научился «видеть» и «слышать» то доброе, что ему предлагают другие. Даже доброе дело, если оно не «пере-

живается» внутри, может тоже оказаться «для галочки». Или вообще оказаться в воспитательном значении со знаком минус — вспомним повесть Платонова: «Дом человек построит, а сам расстроится».

Традиционная школьная система воспитания с её мероприятиным подходом, превалированием словесных методов или навязанных детям дел «буксует». Педагогам-практикам нужны новые типы педагогического знания, новые принципы получения знания и отношения к нему. Важны ли сами по себе знания-сведения о духовных истинах?

Конечно, нет. Они, как и всякая другая информация, — всего лишь осколки, обрывки целостности. И вот об этой целостности мы забываем. Пора серьёзно думать о душе ребёнка, о проблеме педагогически целесообразной работы с этой душой. Речь не о введении новых форм воспитательных мероприятий, а о более глубоком понимании вещей, о первостепенном значении в педагогической практике процесса, а не результата.

Это значит, что на первом месте на уроке должен быть не сам предмет, а уникальность, внутренний мир конкретного ребёнка. «Душевно-духовный» потенциал есть в каждом уроке, в каждом учебном предмете. Взирая на вершину горы, мы порой не видим её основания, того, откуда начинается восхождение. В основании любого урока должно быть прежде всего благоговейное отношение к жизни,

А.С. Макаренко предупреждал:
«Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь и печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и врагами, как вы смеётесь, читаете газету — всё это имеет для ребёнка большое значение».

к той жизни, которая совершается прямо здесь и сейчас. Наши дети (не без «помощи» родителей и учителей) разучились ценить жизнь и благоговейно к ней относиться. Они стремятся обладать чем-либо, увлекаясь преходящими ценностями.

Приведу пример одного моего факультативного урока в начальной школе, который был посвящён взаимоотношениям людей. Это урок из серии «нравственных бесед». Мы начали его с попыток увидеть тайну самой нашей жизни.

- Здравствуйте, дети!
- Здравствуйте!
- Вы любите отгадывать тайны?
- Да, конечно.
- Тогда вот вам первая тайна. Что я сделал, когда вошёл в класс?
- Вы сказали: «Здравствуйте, дети».
- А что это значит?
- Это значит, что вы с нами поздоровались... Вы нас поприветствовали... Вы нам обрадовались...
- Да, но это не вся отгадка. Что же означают слова «здравствуйте, дети»?
- Это когда здороваются... руки пожимают... Говорят «привет».
- Погодите, а разве я вам сказал «привет»? Я же сказал «здравствуйте».
- А так все учителя говорят.
- Верно. Но что это значит?

Молчание. Вижу по лицам: суть слова не известна. Начинаю рассказывать детям сказку про зайчонка, медвежонок, лисичку и волчонка. Зверята играли в разные игры. Наступил вечер. Пора прощаться. «До свидания, медвежонок», — сказала лисичка. «До свидания, медвежонок», — сказал волчонок. «Здравствуй, медвежонок», — сказал зайчишка. «Ты почему так сказал? — удивился медвежонок. — Это неправильно. Мы же прощаемся!» «Да, да. Мы прощаемся, но всё равно — здравствуй!» — ответил зайчик. «Но так не говорят, когда прощаются», — возразил медвежонок. И все стали поучать зай-

чишку. Тот же настаивает на своём: «Говорят. Спросите у своих мам». «Да не будем мы спрашивать. Мы и так знаем. Ты странный. Мы ведь прощаемся, а ты говоришь: привет». «Да не привет я говорю, а здравствуй. И это большая разница». Зверята начали спорить ещё сильнее...

«Как вы думаете, о чём спорят зверята?» — спрашиваю я детей. По их лицам вижу, что они напряжённо думают, переживая эту незатейливую сказку. Потом одна девочка робко подняла руку.

— Можно я скажу? Он, зайчик, всем здоровья пожелал!

Углубившись в смысл слова «здравствуй», мы погрузились в огромное ценностное поле. На других уроках мы учились понимать и переживать в своём сознании смысл других слов, которые дети (и взрослые) в обычной жизни не замечают. На таких уроках дети накапливают опыт «душепостижения» и формирования духовного здоровья.

Для учителей и учеников привычнее слова «воспитание», «обучение», «компетентность», чем, например, такие, как «страсть», «совесть», «хотение». Вдумаемся: *со-весть*, совместное видение. Обратим внимание на понятие послушания. Послушание, основанное на страхе, — синоним бесправия, подавленности. Послушание же как особый инструмент достижения личностью свободно выбранной цели есть доверие опыту Другого.

Педагогика не может уже обойтись без антропологии и без такого высокого помысливания о человеке. Надо научить ребёнка важным отношениям, которые лежат в основе человеческой жизни: ценностно-смысловому, личностно-значимому и творчески-ответственному. Но следует также помнить, что нельзя навязывать познание добра. Мы можем привести туда,

где начинается дорога к *Истине*, но встреча с *Истиной* — дело каждого. Как в знакомой притче. Можно привести лошадей к водопою, но заставить их пить воду нельзя. В этом очень уважительное (истинное!) отношение к свободе человека.

В моей педагогической биографии есть немало интересных событий, ситуаций и сюжетов. Вот одни из них. Пришёл я в класс к подросткам. Веду беседу. Размышляю вместе с детьми о сути нравственных или безнравственных поступков, о добре и зле, о важности преодоления в себе инстинктов и возвышения к духу. Это не морализаторство, а искренние раздумья о том, как человек может стать человеком. Передо мной сидели подростки. Вижу среди них мальчика, который как будто хочет о чём-то спросить, но не решается. После урока подхожу к нему: «Ты хотел меня о чём-то спросить?» Отвечает нерешительно: «Да нет». Но после следующего урока Саша подошёл ко мне с просьбой о беседе наедине. Мы уединились. Он признался, что у него сложные проблемы с родителями, что все им недовольны, что ему всё надоело. Мама больше времени уделяет своему младшему сыну. У Александра апатия ко всему. Он даже подумывает свести счёты с жизнью.

Я долго и внимательно его слушал. Просто слушал и не перебивал. Потом спросил: «Так отчего твоё уныние?» «Я никому не нужен». Я не стал его разуверять: мол, ты не прав, ты нужен родителям, обществу и т.д. Просто предложил по-иному посмотреть на саму суть человеческой жизни, на проблему «нужности» как необходимую составляющую этой жизни. У нас у всех есть нужда в чём-то. Если я не нужен, ты не нужен, то кто же будет удовлетворять наши нужды? Рассказал я Саше притчу об одном человеке, стоявшем на мосту и желавшем покончить жизнь самоубийством. Мимо шёл прохожий. «Вы хотите покончить с собой?» — спросил он. «Не отговаривайте меня и не мешайте мне», — отрезал тот. А прохожий заявил, что вовсе не собирается его отговаривать, а просто советуется перед смертью пойти в бедный квартал и отдать свои деньги нуждающимся. Мол, тебе они всё равно теперь не нужны. Молодой человек нашёл совет разумным

и пошёл в бедный квартал. Когда он раздал все свои деньги, то почувствовал огромную тягу к жизни. Можно страдать по поводу того, что ты никому не нужен, а можно самому идти к нуждающимся в тебе. И это уже другой ракурс видения своих проблем. С парнем мы пришли к выводу, что самое разумное в его ситуации — это не ждать внимания от мамы, а предложить ей помощь, облегчить её труд. Потом мы встречались с Сашей, и он рассказывал, как изменились его взаимоотношения с родителями, со сверстниками. Признался: жизнь стала интересной.

Вообще же, надо признать, что внутренние терзания, подобные тем, что были у моего ученика, не единичны. Они носят массовый характер. Сошлюсь на высказывание психолога М. Светловой, которая пишет в одной из своих книг: «Много лет назад, когда я начала свою деятельность практического психолога, я пришла работать в школу. В обычную московскую школу с переполненными классами, работающую в две смены. И в первые же недели работы в школе я сделала несколько открытий, поразивших меня до глубины души... Первое открытие касалось самих детей, учившихся в этой школе. Внешне это были самые обычные дети. Громкие, озорные, несущиеся по коридорам на перемене так, что приходилось прижиматься к стене, чтобы

В школе сегодня нужна реальная практика формирования душевно-духовного здоровья. Не просто разговор об этом самом здоровье, а именно практика. Спрашивается: на каком предмете, на каком уроке учитель говорит о душе? А душа — это «имя существительное». Она есть! И никто с этим не спорит. Душа и ищет, и страдает, и болит, и радуется. Учителю не обязательно (и даже противопоказано) «влезать» в душу ребёнка — достаточно «впускать» его в свою, позволять наблюдать её движения, делиться своими переживаниями, выстраивать пространство «общих» переживаний, и тогда возможно чудо, которое и называется «духовное воспитание».

тебя не унёс этот поток. Они казались мне совершенно безмятежными, беспроблемными, весёлыми. Но что происходило при более близком знакомстве, когда я начала с ними общаться, проводить тестирование, встречаться индивидуально? Я постоянно сталкивалась с какой-то скрытой проблемностью, неудовлетворённостью самими собой, своими отношениями со сверстниками или отношениями к ним учителей и родителей. Я сталкивалась с разным проблемным поведением ребёнка — неумением общаться с другими, робостью, закомплексованностью, повышенной тревожностью. Или с хамоватым, наглым, даже жестоким поведением по отношению к другим».

Психолог Светлова делает вывод: причинами проблем поведения детей и отношений с другими людьми являются чувство одиночества, ощущение собственной неценности, незначимости. «Неуверенность — одно из самых сильных проявлений детской проблемности». Такая проблемность у ребёнка, как утверждает психолог, идёт, в первую очередь, от его матери, которая вербально и невербально передаёт свою тревожность и агрессивность. А также и от учителей, которые, в большинстве, женщины. Говоря в данном случае о воспитании, надо указать на материнство и отцовство, которые нужно тоже воспитывать. Это значит, что воспитание родителей и самих педагогов (самовоспитание) идёт параллельно с воспитанием детей.

Учитель, к сожалению, не знает многих тайн бунта души ребёнка. Да и школа не то место, где надо исповедоваться. А исповедоваться, или, точнее, «поведать» мудрому собеседнику о своём насущном, растущий человек очень хочет. Нашим детям недостаёт духовного общения. Они нуждаются в мудром взрослом. Они ждут его, его взгляда, который примет, поймёт и простит. К сожалению, многие школьные психологи заняты больше диагностикой, а не психологическим консультированием. А если консультируют, то часто в рамках

«объяснительной», а не «понимающей» психологии. Нужен более широкий контекст видения человека, о котором я уже говорил. Наши дети учатся жить и часто натываются на сплошные ограничения и осуждения: то не делай, это не трогай, туда не ходи и вообще ты несовершеннолетен, давай я тебя «подправлю». Получается, что они теряются в этом многообразии правил взрослой жизни и теряют самих себя.

Мои уроки в младших классах являются игровыми ситуациями, в которых мы с детьми проживаем опыт самопознания и взаимодействия с другими. И эти игры рождаются самой жизнью. Когда я прихожу к детям впервые и знакомлюсь с ними, то предлагаю поразмышлять о сущности самых обычных слов (таких, как «здравствуйте»). Духовная жизнь — это жизнь смыслов.

Знакомясь с новым классом, я знаю, что шаг за шагом буду вместе с детьми расширять наше общение и вживаться в смыслы. Таких слов, которые требуют совместного поиска «главного» смысла, будет много: человек, совесть, сердце, родители, космос, красота, добро, свет, жизнь, любовь, сострадание и другие. Но все эти слова есть лишь коммуникативное средство для осознания ребёнком самого себя, для познания мира. При этом педагогу важно не впасть в риторику и не «заговорить» словами дело. Об этом же и предупреждал известный педагог В.В. Зеньковский: школа должна оберегать детскую душу от риторики, от превращения великих тем жизни в темы научного и эстетического или морализующего отношения. Для меня как для педагога важно именно не морализаторство, а общение с детьми на уроке, выстраивание совместных действий...

У нас на уроках нередко присутствуют гости (мы их приглашаем). И детям предоставляется возможность организовать прямо на уроке своеобразную

«пресс-конференцию». Вопросы гостям (а среди них были директор школы, художник, преподаватель университета и другие) младшие школьники задают, например, такие: «Чем вы увлекаетесь?», «Хотели бы Вы что-то изменить в своей жизни?», «В каких странах Вы были?», «Любите ли Вы животных?» и другие. Я видел, как дети внутренне преображались, переживая свою причастность к «взрослой» форме общения.

Сегодня много споров о стандартах и качестве образования. Накопленная столетиями человеческая культура духовно-нравственной жизни, с примерами которой мы можем встретиться в своём селе, городе или на страницах истории, почему-то сегодня, в век невероятных научно-технических открытий, не востребована в должной мере. Как же, на каком «материале» проводить духовно-нравственное воспитание, если производственные вопросы сделались средоточием нравственной жизни?

Как справедливо замечает известный учёный И.А. Колесникова, «покинув Вселенский, бытийный уровень постановки и решения

проблем воспитания и обучения ради вполне земных, семейных, национальных, сословных, цеховых, часто ситуационных людских нужд, педагогика убрала проблематику человека, его жизни, бытия, целостности из поля зрения учительства, оставив школе лишь фрагменты, кусочки, отдельные события (мероприятия)».

В педагогике назрела необходимость интеграции разных знаний. Требуется более «точное» соединение теории и практики. Необходимо преодоление рутинности и ограниченности в системе школьного воспитания.

Нам важно сегодня посмотреть на проблему духовного воспитания с точки зрения возможности нравственного оздоровления. Рост преступности и агрессии, алкоголизм, нравственная распущенность и девальвация духовных ценностей — всё это печальный факт образования знаниевого и бездуховного ■



В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Развитие женского образования в России и его прогрессивные последствия

Л. Лысых, лейтенант, психолог СКВИ ВВ МВД России, аспирант кафедры педагогики Северо-Осетинского государственного университета им. Хетагурова

Обращаясь к истории педагогики, автор рассматривает причины возникновения воспитания как социального явления и закономерности его развития.